

УДК 009:168.522

Александр Афанасьев, Ирина Василенко

**ИСТОРИЯ: ПАМЯТЬ И НАУКА
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Историческая память и историческая наука, при известном сходстве, различны по содержанию, происхождению, назначению. Историческая память не адекватна исторической реальности вследствие определяющего влияния идеологии. Следует повысить роль науки среди факторов, формирующих историческую память.

Ключевые слова: историческая память, наука, идеология, свидетельства, фолк-хистори.

Когда во второй половине XX века исторические науки подверглись методологическому переосмыслению [21; 1], в центр внимания попало множество проблем, но, прежде всего, понятие исторической и социокультурной реальности и форм ее презентации. Среди последних немаловажное значение имеет историческая память. К данному феномену в мировая литература всегда проявляла интерес, более того, проблема памяти периодически оказывается в фокусе дискуссий по разнообразным поводам [2; 3; 14]. Дополнительный импульс исследованиям придало обострение вопроса национальной идентичности на постсоветском пространстве, когда к обсуждению проблемы подключились гуманитарии разных направлений [18; 6]. Впрочем, интерес к этому феномену имел место и в советское время, привлекая выдающихся исследователей [12]. Проблема исторической памяти актуальна в современной Украине и в связи с формированием украинской политической нации, и в рамках процесса декоммунизации, и на пути ликвидации белых пятен замалчиваемой истории. Да и пересоздание Украинского института национальной памяти свидетельствует об этом.

Историческая память многогранный конструкт. Сформировавшись в ходе социализации на основе полученного образования и личных впечатлений, она постоянно подкрепляется, но также и периодически, хотя и не часто, «перезагружается» под воздействием множества факторов. Это и литература, и СМИ, и политика, но в первую очередь идеология. Среди формирующих память феноменов науке, как историческим, так и другим социально-гуманитарным дисциплинам, отводится неоправданно малое место. Как носители памяти, так и субъекты, формирующие ее, к науке прибегают нечасто. Тем более, что в обыденном сознании историческая память и историческая наука практически не различаются, из-за чего, в частности, пользуется популярностью безграмотный лозунг «нельзя

переписывать историю!»

Историческая память соотносится с культурной памятью и с существующей социальной и культурной реальностью. Вот почему трудно указать ту гуманитарную дисциплину, которая могла бы игнорировать историческую память. Между тем, в многообразии публикаций об исторической памяти [15] легко заметить, что, во-первых, проблемой интересуются в основном историки, хотя это, как минимум, комплексная проблема, во-вторых, недостаточно внимания обращено на методологические проблемы, например, в вопросе соотношения исторической памяти и исторической науки, где немало несовпадающих теоретических позиций, но преобладает обсуждение методических и практических проблем [10], которые без решения теоретико-методологических вопросов не выглядят достаточно впечатляющими.

Необходимо привлечение внимания к методологическим проблемам истории и в частности, исторической памяти, широкого круга гуманитариев, особенно по вопросу роли науки в формировании исторической памяти, да и вообще отношения к истории. Последнее обстоятельство и определило цель данной статьи.

Историческая память имеет невероятно сложную конструкцию и по содержанию, и по происхождению, и по функциям, и по предназначению: с одной стороны она отражает историческую реальность, но с другой – искусственно конструируется, память имеет объективную основу, но включает субъективные домыслы, опирается на достоверные данные, но также на мифы и легенды, она невозможна без рациональной подоплеки, но эмоционально окрашена, память включает факты, но также и ненадежные свидетельства, а то и фальсификации, она предмет гордости, но нередко и стыда, вроде бы включает все пережитое, но чаще – тщательно отобранное, она отражает массовое сознание, но также плод творчества идеологов, некоторой элиты, память включает ценности, но также и нейтральные научные факты, содержит общечеловеческие ценности, но также и ценности узкогрупповые, память в чем-то консолидирует общество, в чем-то разобщает его, включает обыденный опыт, но также и сложную рефлексию.

Память может быть представлена в различных аспектах, но в контексте данной статьи существенны два из них.

Во-первых, память часто рассматривается как своеобразное зеркало, в котором отражаются события, поступки, мысли людей давнего или недавнего прошлого. Так, Геродот в начале своей «Истории» пишет, что хочет описать события с их причинами, поэтому ему интересны описания очевидцев или толкователей как таковые [7]. Его не интересовали те вопросы, которыми сейчас озабочены ученые-гуманитарии и политики, а именно

механизмы формирования памяти, ее «правильность» или «неправильность». Но если последние вопросы возникают, то очевидно, что историческая память не всегда есть (точнее всегда не есть) адекватное зеркало исторической реальности.

Во-вторых, понимание памяти может предполагать ее самостоятельную ценность. Здесь главный вопрос: чем, кем и как она наполняется, что следует помнить, а что забыть.

Если в первом случае работу делают преимущественно ученые, то во втором – в основном идеологи. Эти два подхода могут совпадать, что обычно бывает в тоталитарном или авторитарном обществе, где ученые-историки, и не только они, выполняют идеологическую работу. Но, в принципе, указанные подходы выполняют различные задачи.

В первом случае работает наука, в частности историческая, где уместны понятия истинности или хотя бы интерсубъективности, понятия исторической реальности и исторического факта, исторического метода и теории, хотя их понимание может различаться, что в свою очередь является важным предметом методологического анализа, что требует подключения философов, культурологов и др.

Во втором случае преобладают ценностные установки. Хорошо, если они имеют общечеловеческое, гуманистическое содержание. Они включают уроки прошлого, которые не должны быть забыты, формы уважения к историческим деятелям и их общечеловеческим достижениям, что предполагает относительно нейтральное и спокойное эмоциональное отношение. Но есть там ценности более эмоционально нагруженные, включающие способы осуждения преступлений против человечности, формы скорби и почитания погибших, способы почитания и возвеличивания борцов со злом, несправедливостью. Есть и ценности, затрагивающие этнические, национальные, сословные, групповые интересы, окрашенные сильным эмоциональным зарядом. Они становятся способом самоуважения, а то и возвеличивания, особой гордости, и нередко фокусом поиска идентичности. Короче говоря, историческая память включает те или иные ценности и ценностные ориентиры, что обеспечивает им огромное воспитательное значение. Таковыми феноменами стали Холокост, Голодомор, Победа над фашизмом и пр. Но нередко, ценности, определяющие то, что называют исторической памятью человечества или народа выражают узконациональные или вообще узкогрупповые интересы, не совпадающие с общечеловеческими ценностями. Тогда за историческую память выдается сконструированный миф, не только далекий от реальности, но и порой растлевающе вредный для самих носителей данного мифа.

В отличие от науки, которая стремится к объективности и поэтому к

полноте охвата свидетельств, память всегда избирательна и соотносится с забвением. Забывается безнравственное и неэстетичное, вытесняется то, что не соответствует особо понятой идентичности. В этом отношении феномен идентичности выполняет функцию отбора свидетельств и всего того, что следует помнить, а что забыть.

Все отрицательное, особенно собственная индивидуальная или коллективная вина, если и запоминается, то чаще соотносится с индивидуальным опытом, да и тот обычно оправдывается, а вина, как правило, возлагается на других: соседей, врагов, поработителей и пр. «Общий» опыт обычно героизируется. В редких случаях историческая память включает в себя осознание преступности или стыда, или вины, но это происходит за счет особой «правильно понятой» исторической конструкции.

Своеобразный «дефицит памяти» присутствует всегда. Его призваны восполнить ученые-историки, но также и представители других научных дисциплин: культурологи, этнографы и пр. Часто эту функцию выполняют и политики, но исходя из определенных политических и идеологических доктрин, которые не отличаются ни стабильностью, ни всеобщностью, ни научностью.

Однако цель научной исторической или культурной конструкции не в том, чтобы дополнить или исправить память, хотя такая задача может решаться попутно, а в том, чтобы воссоздать историческую (она же и социокультурная) реальность. Естественно, тут требуется и учет исторической памяти, отраженной в тех или иных документах, но они не должны рассматриваться как особые, верифицирующие феномены. Верно заметил А. Мегилл: «История нуждается в памяти, но не должна идти за памятью» [13, с. 166].

У исторической памяти и исторической науки есть общие источники, это прежде всего свидетельства очевидцев. Они представляют собой необыкновенно ценный материал. Можно, вероятно, даже утверждать, что без свидетельств очевидцев не может быть ни исторической памяти, ни исторической науки. И все же достаточно надежными такие свидетельства назвать нельзя. Когда свидетели-очевидцы еще живы, их воспоминания и комментарии отличаются большой эмоциональной насыщенностью и избирательностью, особенно по поводу недавнего прошлого. Когда проходит относительно много времени свидетели часто помнят не столько то, что видели и пережили, сколько то, что они читали и слышали о событиях, свидетелями и участниками которых они были. А после смерти непосредственных свидетелей их воспоминания и свидетельства, эмоционально «выветриваются» и тускнеют, порой переинтерпретируются,

да и просто постепенно забываются. Поэтому современные исследователи стараются задокументировать свидетельства не только письменно, но и визуально, чтобы сохранить в памяти эмоциональный накал подобных свидетельств.

Однако эмоции не лучший спутник исторических свидетельств. Известно, что некоторые военные преступники или подозреваемые в преступлениях избежали наказаний из-за обнаруженного в ходе судебных разбирательств неумения свидетелей перевести эмоции в рациональную форму выражения. Кроме того, нередко обнаруживались противоречия в показаниях очевидцев в силу избирательности памяти, особенно эмоционально окрашенной. Нередко память очевидцев оказалась подверженной более поздним впечатлениям, что существенно искажало свидетельства. А некоторые исторические темы и свидетельства приобретают сакральный характер, что немаловажно для исторической памяти, но мешают непредвзятому исследованию.

Еще Г. Дройзен различал исторические следы и источники [9, с. 467–470]. Исторический источник иногда называют преднамеренным свидетельством, поскольку оно, как правило, произведено неким автором, который стремился донести до потомков события своего времени. Часто это честные попытки объективно описать определенные события. Но подобные описания содержат авторскую интерпретацию, иногда явную, а порой неявную, неочевидную для самого автора. Поэтому надежность источника как свидетельства события невысокая. Научный интерес скорее представляет именно интерпретация, но не как свидетельство истинности, а как свидетельство выражения определенных представлений. Последние искажают картину реальности, часто до неузнаваемости. Отсюда понятен афоризм, распространенный среди методологов науки: «врет как очевидец!». Сказанное отнюдь не означает, что свидетельства следует игнорировать. Напротив, их нужно собирать и хранить. Но, во-первых, к ним нужен научный, а не идеологический подход, правильно подобранная методология и методика. Следует также понимать их различную роль для исторической памяти и исторической науки.

Более надежными являются исторические следы, которые иногда называют непреднамеренными свидетельствами. Такие следы оставлены людьми без «исторического намерения», они вписаны в культурно-исторический контекст, являются частью исторической реальности и очень ценны для исследователя в силу объективности, поскольку современники не дают им оценку. Скажем, если «Слово о полку Игореве» относится к источникам, куда следует отнести и летописи, и даже значительную часть исторических хроник, несмотря на их задекларированную объективность

и независимость, то ко вторым относят записи на глиняных табличках, бересте и пр., содержащие обыденные сведения. Разумеется, и они должны перепроверяться и не могут быть автоматически отнесены к неопровержимым абсолютным фактам. Если ученый использует подобную запись о ценах на продукты, которую много веков назад слуга составил для господина, то необходимо убедиться, что слуга был честным и не собирался обмануть хозяина «приписками». Следовательно, из такого свидетельства, которое, несмотря на возможный преднамеренный обман, является исторически непреднамеренным, выводить реальные цены на продукты того времени автоматически нельзя. Аналогично, отчеты и другие документы советских партийных и государственных органов, хранящиеся в архивах, могут быть надежными свидетельствами во многих отношениях, но не в отношении точного отображения сути этих отчетов, ибо значительно искажали реальность. Несмотря на всевозможные варианты и оговорки, преимущество следов перед источниками для науки очевидно. Поэтому, хотя и то, и другое, используется исследователями, историческая память предпочитает источники, а историческая наука – следы.

Историческая наука не является монолитной. В ней наличествует как минимум две фундаментальные парадигмы. Первая соотносит историческое знание с воспитательными целями, которые обусловлены идейными и политическими ориентирами. В этом случае, даже при стремлении к непредвзятости, нередко преобладает субъективность интерпретаций и отход от объективности. Именно данная парадигма требует от историка хранить и пополнять историческую память. Известно, что вплоть до XIX века исторические труды предполагали обязательное использование художественного выразительного стиля [17, с. 108–109], который напрямую соотносился с идейно-воспитательным фактором. В этом смысле даже отца истории Геродота можно отнести к писателям. Его «История» содержит рассказы о царях и героях, нравах и обычаях, перемешанных с чудесными происшествиями и различными предзнаменованиями, поэтому не случайно считается первым прозаическим произведением европейской цивилизации.

Даже в трудах крупнейших немецких историков XIX в. Л. фон Ранке и И. Г. Дройзена, которые много сделали для утверждения научных критериев в историческом знании, для становления научного подхода в истории (т. е. для утверждения второй парадигмы) история не столько знание о некотором объекте, сколько средство самопознания и развития личности.

С развитием исторической науки ее задачи начинают существенно отличаться от задач исторической памяти, она перестает обслуживать историческую память и нередко вступает с ней в противоречие, что

характерно для второй парадигмы.

Вторая парадигма исторической науки сформулирована позитивистски ориентированными исследователями. Хотя отдельные ее элементы, например, идея причинно-следственных закономерностей и детерминизма в истории, возникли раньше, тем не менее афоризм Г. Де Моно «Мы не поднимаем никакого знамени» [19, с. 75] характеризует осознанный и всеобъемлющий отказ от идейно-политической, националистической, партийной предвзятости. При этом историк может быть и патриотом, и сторонником политических доктрин, но не в ущерб научно ориентированной истории.

Вторая парадигма, оформившись в XIX в. существенно потеснила первую, но не отменила ее. В отличие от классического естествознания в гуманитарных дисциплинах парадигмы редко вытесняют друг друга и часто сосуществуют [5]. Иногда они борются между собой, особенно в период идеологического противостояния. В СССР классово-партийный подход провозглашался единственно истинным, особенно по сравнению с буржуазным объективизмом, и прямо провозглашался императив: советские историки должны быть страстными, воинствующими большевистскими пропагандистами [16].

Чаще обе парадигмы уживаются, как это имеет место в демократических странах, но все же приоритет имеет научный подход. Хотя он понимается по-разному: от количественной истории до микроистории [4, с. 173–183], но идейно-политическая предвзятость первой парадигмы открыто не приветствуется, и продолжает существовать в завуалированной форме. Одной из них является убежденность в том, что научная история призвана поддерживать и формировать историческую память. Вряд ли это следует считать главной задачей истории, однако историческая наука многое может сделать для конструирования непредвзятой исторической памяти. Такая возможность становится актуальной, особенно на постсоветском пространстве, где национально-этнические вопросы прошлого еще недостаточно изучены и порой трактуются с явными эмоциональными преувеличениями и где из-за отсутствия хороших популярных книг по истории сложилась благодатная почва для распространения исторических мифов, лжеучений, особенно в рамках фолк-хистори, которая, впрочем, имеет место и в мировой практике.

Общая причина распространения фолк-хистори связана с многими феноменами второй половины XX века, среди которых и общий кризис рационалистического мировоззрения, и антициентистские концепции, и методологическая самокритика западной историографии, и недостаточная разработанность методологических основ гуманитарных наук.

Если не очень образованные люди доверчиво усваивают красивые исторические мифы и фантазии, которые позволяют гордиться своими предками, то на интеллектуалов часто действует постмодернистские идеи, утверждающие, что адекватное познание исторического прошлого достигается не на путях исторической науки, а в рамках интуитивного поэтического мышления с его ассоциативностью, образностью, метафоричностью и мгновенными откровениями инсайта [11, с. 204].

Справедливости ради следует заметить, что на пути оригинального видения исторической науки и ее популяризации родились высокие образцы исторического научного исследования средневековья, как например, «Сыр и черви» К. Гинзбурга [8] или нетрадиционного изложения научных знаний о тех же средних веках У. Эко в детективе «Имя розы» [20]. Последнюю необоснованно относят к фолк-истории, а между тем, это литературно изложенная научная история. По этому поводу необходимо подчеркнуть, что, если бы фолк-история была такой как у У. Эко, то можно было бы только порадоваться, и снять проблему фолк-истории с повестки дня. Но перлы фолк-истории ничего общего не имеют ни с академической наукой, ни с популяризацией науки, ни с литературным изложением истории. Можно спорить по поводу того или иного понимания исторической науки, скажем в микроистории, исторической реальности или научного объяснения в истории, правомерности исторических законов, нарративов или лингвистических конструкций в описании событий, но неизбежными остаются общенаучные идеалы, которым вышеназванные произведения соответствуют и которым не соответствует фолк-история.

На поле современной фолк-истории подвизался Валерий Бебик, украинский профессор-политолог, аналог российского академика Анатолия Фоменко. Бебик, будучи дилетантом в исторической, культурологической, философской областях, опубликовал несколько работ о древнейших корнях украинцев, их стотысячной истории и выдающейся культуре, в частности, об укроах, их древних философах и пр. Подобные идеи даже гипотезами нельзя назвать, они больше похожи на грандиозный розыгрыш или мистификацию, но находят своих сторонников не только среди не очень образованной публики, но и среди образованных дилетантов.

Если бы продукция фолк-истории относилась к новому литературному жанру типа исторической фантазии, она вряд ли встретила критику научного сообщества, а при наличии литературного таланта могла бы стать явлением в литературе. Ведь пользуются заслуженной популярностью исторические романы классиков жанра или исторические детективы Бориса Акунина, где историческая реальность воспроизводится и в известной мере осовременивается, служа красивым, занимательным фоном для не менее

занимательного сюжета, и не претендует на научное описание. Но беда в том, что многие произведения фолк-истории не относят себя к «легкому» жанру, а замахиваются на статус как минимум научной гипотезы, а то и обоснованной теории, и именно в таком виде воспринимаются читателями, и даже попадают в учебную литературу. Что ждет тех учеников, которые усвоили фолк-историю, полагая, что приобщились к науке?

В качестве вывода отметим, что историческая память формируется под преобладающим влиянием политических, обыденно-психологических, идеологических, фолк-исторических и иных вненаучных факторов. Настоятельно необходимо увеличить удельный вес науки среди них.

Список использованной литературы

1. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры.– М.: Прогресс-Традиция, 2003.– 496 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика.– М.: Новое литературное обозрение, 2014.– 328 с.
3. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой.– М.: Новое литературное обозрение, 2016.– 232 с.
4. Афанасьев А. И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки.– Одесса: Бахва, 2013.– 288 с.
5. Афанасьев А. И. Парадигмы гуманитаристики: вытеснение или сосуществование? // Перспективы. Социально-политичний журнал. Філософія, політологія, соціологія.– 2014.– № 3 (61).– С. 19–24.
6. Герасимов О. В. Феномен исторической памяти // Вестник УРАО.– 2013.– № 5 (68).– С. 133–137.
7. Геродот. История в девяти книгах.– Л.: Наука, 1972.– 600 с.
8. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.– М.: РОССПЭН, 2000.– 272 с.
9. Дройзен И.–Г. Историка.– М.: Владимир Даль, 2004.– 584 с.
10. Зашкільняк Л.О. Історична пам'ять та історіографія: методологічні аспекти взаємодії // Національна та історична пам'ять: Зб. наук. праць.– Вип. 2.– К.: ДП НВЦ «Пріоритети», 2012.– С. 218–233.
11. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм.– М.: Интрада, 1996.– 256 с.
12. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи.– Т. 1.– Таллинн, 1992.– С. 200–202.
13. Мегилл А. История и память: за и против // Философия и общество.– № 2 (39).– 2005.– С. 132–166.
14. Мегилл А. Историческая эпистемология.– М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007.– 480 с.
15. Національна та історична пам'ять: Зб. наук. праць.– Вип. 2.– К.: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2012.– 412 с.
16. О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии

- // Вопросы истории.– 1949.– № 2.– С. 3–13. / <http://stalinism.ru/listaya-staryie-gazetyi/o-zadachah-sovetskih-istorikov-v-borbe-s-proyavleniyami-burzhuaznoy-ideologii.html>
17. Рейзов Б. Г. Французская романтическая историография (1815?1830).– Л.: Изд-во ЛГУ, 1956.– 535 с.
 18. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки).– М: ГУ ВШЭ, 2003.– 44 с.
 19. Савельева И. М., Полетаев А. В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем.– Вып. 18.– М.: URSS, изд-во ЛКИ, 2007.– 399 с.
 20. Эко У. Имя розы.– М.: Кн. палата, 1989.– 496 с.
 21. White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe.– Baltimor-London: JHU Press, 1975.– 448 p.

Олександр Афанасьєв, Ірина Василенко

ІСТОРІЯ: ПАМ'ЯТЬ І НАУКА (МЕТОДОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ)

Історична пам'ять і історична наука, при відомій схожості, різні за змістом, походженням, призначенням. Історична пам'ять не адекватна історичній реальності внаслідок визначального впливу ідеології. Слід підвищити роль науки серед факторів, що формують історичну пам'ять. Ключові слова: історична пам'ять, наука, ідеологія, свідоцтва, фолк-хістори.

Oleksandr Afanasiev, Iryna Vasylenko

HISTORY: MEMORY AND SCIENCE (METHODOLOGICAL ASPECT)

Historical memory and historical science, with a certain similarity, are different in content, origin, purpose. It is oriented ethnic, national, class, group interests. Memory includes a certain system of values, emotionally loaded phenomena, sacred objects, forms and ways of grief, veneration, exaltation. It contains myths and narratives. Objects of historical memory become a way of self-esteem, special pride, and often the focus of identity search. Memory is always selective and correlates with oblivion. The function of memory correction is performed by ideologists and politicians, but based on certain political and ideological doctrines which are neither stable, universal, nor scientific. Science, for example history, is guided by the concepts of truth or intersubjectivity, historical reality and historical fact, historical method and theory. Understanding of the latter can differ, which is an important subject of methodological analysis and requires the connection of philosophers, culturologists, historians, ethnographers. In historical science there are two fundamental paradigms. The first relates historical knowledge to educational goals, which are conditioned by ideological and political guidelines. In this

case, even when striving for impartiality, subjectivity of interpretations and departure from objectivity often prevail. It is this paradigm that requires the historian to store and replenish historical memory. The second scientific paradigm characterizes genuine science and presupposes conscious and comprehensive rejection of ideological, political, nationalist, party bias. Historical memory is not adequate to historical reality due to the determining influence of ideology. It is necessary to increase the role of science among the factors that form the historical memory.

Keywords: *historical memory, science, ideology, evidence, folk-history.*

References

1. Ankersmit F. (2003) Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metaforyi [History and Tropology: the rise and fall of metaphor], *Moskva*, Progress-Traditsiya, 496 p.
2. Assman A. (2014) Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika [A long shadow of the past: Memorial culture and historical politics], *Moskva*, Novoe literaturnoe obozrenie, 328 p.
3. Assman A. (2016) Novoe nedovolstvo memorialnoy kulturoy [New dissatisfaction with the memorial culture], *Moskva*, Novoe literaturnoe obozrenie, 232 p.
4. Afanasev A. I. (2013) Gumanitarnoe znanie i gumanitarnyye nauki [Humanitarian knowledge and science of humanities], *Odessa*, Bahva, 288 p.
5. Afanasev A. I. (2014) Paradigmyi gumanitaristiki: vytesnenie ili sosuschestvovanie? [Paradigms of humanitarianism: displacement or coexistence]. *Perspektivi. Sotsialno-politichniy zhurnal. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya*, # 3 (61), pp.19-24.
6. Gerasimov O. V. (2013) Fenomen istoricheskoy pamyati [Phenomenon of historical memory]. *Vestnik URAO*, # 5 (68), pp. 133-137.
7. Gerodot (1972) Istoriya v devyati knigah [History in nine books], *Leningrad*, Nauka, 600 p.
8. Ginzburg K. (2000) Syir i chervi. Kartina mira odnogo melnika, zhivshogo v XVI v. [Cheese and worms. The picture of the world of a miller who lived in the XVI century], *Moskva*, ROSSPEN, 272 p.
9. Droyzen I-G (2004) Istorika [The historian], *Moskva*, Vladimir Dal, 584 p.
10. Zashkilnyak L. O. (2012) Istorična pam'yat ta istoriografiya: metodologichni aspekti vzaemodiyi [Historical memory and historiography: methodological aspects of interaction]. *Natsionalna ta istorichna pam'yat. Zb. nauk. prats. Vip. 2, Kiev*, DP «NVZ «Prioriteti», pp. 218-233
11. Ilin I. P. (1996) Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm

- [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism], *Moskva*, Intrada, 256 p.
12. Lotman Yu. M. (1992) Pamyat v kulturologicheskom osvещenii [Memory in culturological illumination]. *Lotman Yu.M. Izbrannyye stati*. T. 1, *Tallinn*, pp. 200-202.
 13. Megill A. (2005) Istoriya i pamyat: za i protiv [History and memory: pros and cons]. *Filosofiya i obschestvo*, # 2 (39), pp. 132-166.
 14. Megill A. (2007) Istoricheskaya epistemologiya [Historical epistemology], *Moskva*, «Kanon» ROOI «Reabilitatsiya», 480 p.
 15. (2012) *Natsionalna ta istorichna pam'yat* [National and historical memory]. *Zb. nauk.prats*, Vip. 2, *Kiev*, DP «NVZ «Prioriteti», 412 p.
 16. (1949) O zadachah sovetskikh istorikov v borbe s proyavleniyami burzhuaznoy ideologii [On the tasks of soviet historians in the struggle against the manifestations of bourgeois ideologists]. *Voprosyi istorii*, # 2, pp. 3-13 – <http://stalinism.ru/listaya-staryie-gazetyi/o-zadachah-sovetskikh-istorikov-v-borbe-s-proyavleniyami-burzhuaznoy-ideologii.html>
 17. Reizov B. G. (1956) Frantsuzskaya romanticheskaya istoriografiya (1815–1830) [French romantic historiography (1815-1830)], *Leningrad*, Izd-vo LGU, 535 p.
 18. Repina L. P. (2003) Kulturnaya pamyat i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki) [Cultural memory and the problems of historiography (historiographical notes)], *Moscow*, GU VShE, 44 p.
 19. Saveleva I. M., Poletaev A. V. (2007) Stanovlenie istoricheskogo metoda: Ranke, Marks, Droyzen [Formation of the historical method: Ranke, Marx, Droysen]. *Dialog so vremenem*, Vyip. 18, *Moscow*, URSS Izd-vo LKI, 399 p.
 20. Eko U. (1989) Imya rozhi [The name of the rose], *Moscow*, Kn. palata, 496 p.
 21. White H. (1975) Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. *Baltimor-London*, JHU Press, 448 p.

Стаття надійшла до редакції 17.03.2017.

Стаття прийнята 21.04.2017.